

ИСТОЧНИКИ

DOI: 10.46698/VNC.2022.84.45.009

МАТЕРИАЛЫ О КУЛЬТОВОМ КОМПЛЕКСЕ МИГЪДАУ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Е.Г. ПЧЕЛИНОЙ

А.В. Дарчиев

Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 20-59-07003

Предлагаемая публикация содержит материалы этнографа и археолога Евгении Георгиевны Пчелиной (1895-1972) по изучению культового комплекса Мигъдау, расположенного в Урсдонском ущелье (ответвлении Алагирского ущелья) Северной Осетии. Собиравшиеся в течение длительного времени сведения Пчелина включила в свои монографические исследования, ни одно из которых до настоящего времени не опубликовано, поэтому хотя бы частичное введение данных материалов в научный оборот представляет актуальную научную задачу. Пчелина впервые предложила для топонима Мигъдау научное истолкование, в русле которого велись все дальнейшие этимологические поиски. Она же впервые высказала мысль о присущих этому божеству некоторых аграрных функций. Пчелина описывает входящие в культовый комплекс сакральные объекты, уделяя основное внимание главному святилищу – Мигъдау дзуар. Ею приводятся сведения о совершавшихся здесь праздничных ритуалах, религиозно-правовых и военных обрядах. Особую ценность представляют записанные Пчелиной фольклорные тексты об этом святилище, проливающие свет на некоторые малоизвестные этнографические реалии. Изобразительные материалы Пчелиной, связанные с культовым комплексом Мигъдау, извлечены из научных архивов Владикавказа и Санкт-Петербурга и публикуются впервые: фотографии священного можжевельника у святилища Мигъдау дзуар, интерьер святилища, жрецы и другие. Особого внимания заслуживают топографическая карта культового комплекса Мигъдау и планы святилищ Майраемы дзуар и Мигъдау дзуар. Карта может быть использована при создании единой базы данных о культурно-исторических объектах Северной Осетии с необходимым картографическим обеспечением, а профессионально составленные планы святилищ могут помочь в деле реставрации этих объектов. Содержащиеся в публикуемых материалах сведения должны способствовать более глубокому изучению традиционного осетинского общества.

Ключевые слова: Е.Г. Пчелина, Урсдонское ущелье, Мигъдау, святилище, культовый комплекс, Дзугаевы, Амбаловы.

Культовый комплекс Мигъдау, расположенный в Урсдонском ущелье Северной Осетии, является одним из наиболее интересных памятников материальной

и духовной культуры осетин. Начало его научного изучения связано с именем Евгении Георгиевны Пчелиной, которая впервые посетила «священный заповед-

ник Михдау» (как она сама называла этот комплекс) в 1928 г. Лишь через десять лет после первого ознакомительного осмотра Пчелина смогла предпринять более глубокое археологическое и этнографическое исследование в ходе экспедиции 1938 г. Сведения о культовом комплексе *Мигьдау*, собиравшиеся в течение длительного времени (последние записи относятся к 1965 г.), Пчелина использовала при подготовке монографических трудов, которые до сих пор не опубликованы. Представляется весьма актуальным, преодолев столь длительную задержку, хотя бы частично ввести их в научный оборот. Предлагаемые вниманию читателей материалы делятся на две части: рукописи и изобразительный материал.

1. Рукописи:

а) Извлечение из неопубликованной монографии Пчелиной «Местность Уаллагир и шесть колен рода Оси-Багатара», хранящейся в Научном архиве Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева (далее НА СОИГСИ). Как следует из прилагаемого акта приема, в 1946 г. Пчелина заключила с институтом договор о написании данной монографии и представила ее в 1948 г. [1, 1] Текст машинописный, на 127 листах формата А4. На первой странице помета, сделанная рукой Пчелиной: «I-й экземпляр. Не для печати». Имеются также рукописные пометы и исправления, сделанные неизвестным рецензентом.

По своему содержанию монография представляет собой историко-этнографическое исследование осетин Алагирского ущелья Северной Осетии. Согласно преданиям, первопредком всех осетин-алагирцев считался Ос-Багатар, а все многочисленное потомство этого легендарного правителя делилось на шесть колен (родов), каждое из которых занимало в Алагирском ущелье определенную территорию. В соответствии с этим делением, основная часть монографии Пчели-

ной состоит из шести разделов, каждый из которых посвящен определенному роду (колену) Ос-Багатара.

Сведения о культовом комплексе *Мигьдау* приведены в разделе «*Цъахилтæ*», поскольку комплекс находится на территории данного колена и считается главной святыней всех относящихся к нему фамилий. Пчелина последовательно описывает находящиеся в «заповеднике Михдау» сакральные объекты, уделяя основное внимание главному святилищу – *Мигьдау дзуар*. Как следует из примечаний, ее главными информаторами были Эльмурза Амбалов, долгое время выполнявший в этом святилище функции жреца, и Ханджери Амбалов. Пчелина приводит сведения о совершавшихся здесь религиозно-правовых и военных обрядах, но главная ценность ее сообщения состоит в том, что она рассматривает святилище *Мигьдау дзуар* не изолированно, а как часть комплекса взаимосвязанных друг с другом святилищ, что, несомненно, способствует более глубокому пониманию его первоначальных функций.

б) Извлечение из третьей главы докторской диссертации Пчелиной (хранится в Санкт-Петербургском филиале архива РАН, далее – СПбФ АРАН) [2, 9-12, 24, 25, 69, 70]. Как и в первом случае, это машинописный текст на листах формата А4, но без каких-либо рукописных помет или иных следов редактирования. Сравнение машинописного текста и сохранившегося рукописного черновика [3] выявляет их полную идентичность. Весьма содержательная статья А.В. Газдановой и А.В. Блажко об истории написания Пчелиной докторской диссертации [4] избавляет от необходимости ее подробной характеристики, отметим лишь, что до защиты дело так и не дошло, а само диссертационное исследование осталось незавершенным. Третья глава диссертации Пчелиной – «Кувд. Моление» – посвящена изучению осетинского религиозного пиршества, называемого по-осетински

куывд. Пчелина приводит сведения о совершавшемся в культовом комплексе *Мигьдау* праздничном ритуале и определяет святилище *Мигьдау дзуар* как «древнюю христианскую часовню типа грузинской каплицы». Поскольку прежде святилище принадлежало фамилии Дзугаевых, а старейшина этой фамилии выполнял в нем жреческие функции, Пчелина высказывает интересное предположение, согласно которому Дзугаевы были первыми христианами в Урсдонском ущелье и построили эту часовню, впоследствии ставшую святилищем.

в) Полевые записи Пчелиной о *Мигьдау дзуар'е*, сделанные в 1965 г. Они представляют собой рукописные заметки синими чернилами на бумажных листках разного размера [5]. Главным информатором Пчелиной в то время был Япон (Апон) Хестанов, 1905 г.р., выходец из Урсдонского ущелья, проживавший в г. Орджоникидзе (ныне Владикавказ). Иных сведений о нем пока обнаружить не удалось. Ценность этих записей состоит в том, что они фиксируют связанные со святилищем фольклорные тексты, в частности, предания о проявлениях его чудесной силы, как милостивой, так и карающей.

Все выявленные в рукописной части ошибки и опечатки исправлены без оговорок, сокращения и аббревиатуры развернуты, пропущенные слова восстановлены в квадратных скобках. Научный аппарат фрагментов, извлеченных из монографии и докторской диссертации, изменен следующим образом: те подстрочные примечания Пчелиной, вынесение которых из основного текста представляется неоправданным, включены в текст без дополнительных обозначений, остальные же ее подстрочные примечания преобразованы в затекстовые и помещены непосредственно после каждого публикуемого фрагмента. При этом в качестве знака сноски для примечаний Пчелиной применяются буквы латинско-

го алфавита, что позволяет легко отличить их от наших собственных затекстовых примечаний, для ссылок на которые используются цифры. Ссылки Пчелиной на работы других авторов проверены по доступным нам оригиналам и приведены в соответствие с современными требованиями их оформления.

2. Изобразительный материал.

а) Фотографии объектов «священного заповедника *Михдау*», сделанные Пчелиной во время экспедиции 1938 г. В фонде Пчелиной хранятся 70 стеклянных негативов этих фотографий [6; 7], но в настоящее время по объективным причинам они недоступны для исследователей. Судя по всему, со всех или с большей части негативов были изготовлены фотоснимки, пополнявшие различные хранилища. В вышеупомянутом фонде Пчелиной есть фотографии жрецов святилища *Мигьдау дзуар* (рис. 15, 16).

В коллекции Российского этнографического музея (РЭМ) имеются четыре фотографии святилища *Мигьдау дзуар* и растущего около него священного можжевельника (рис. 1, 4-6). Согласно музейному каталогу, фотоснимки сделаны в 1938 г., в том же году они были закуплены в Центральном антирелигиозном музее и поступили в РЭМ. К сожалению, более полной информацией об этих фотоснимках музей не располагает, но практически нет сомнений в том, что они происходят из фотоматериалов экспедиции Пчелиной 1938 г.

В фондах Национального музея РСО-А хранится самая большая коллекция фотоснимков экспедиции Пчелиной 1938 г., но и она по объективным причинам доступна для исследователей лишь в незначительном объеме (рис. 3, 13). Копии некоторых фотографий культового комплекса *Мигьдау* из Национального музея РСО-А были сделаны в начале 1960-х гг. Б.А. Алборовым и хранятся в его личном фонде в НА СОИГСИ. Мы приводим их здесь, хотя

бы отчасти восполняя этот пробел (рис. 2, 7, 9, 10, 12, 16).

б) Топографическая карта культового комплекса *Мигъдау* и планы находящихся на его территории святилищ, составленные участником экспедиции Пчелиной 1938 г. топографом Г.Г. Логиновым. Документы выполнены карандашом на ватмане [8, 2, 4, 6]. Карта дает точное представление о взаимном расположении сакральных объектов комплекса и может быть использована при создании единой базы данных о культурно-исторических памятниках Северной Осетии с необходимым картографическим обеспечением. На планах святилищ *Мигъдау дзуар* и *Майрамы дзуар* Логинов четко обозначил места проведенных экспедицией раскопок, между прочим, корректируя сведения, приводимые самой Пчелиной. Планы святилищ, составленные более 80 лет назад, могут помочь при проведении профессиональной реставрации, в которой оба святилища, несомненно, нуждаются.

Хотя в публикуемых фрагментах из рукописей ссылки на изображения отсутствуют, все упомянутые выше фотографии, планы и карта полностью отвечают содержанию этих фрагментов, и потому включены в них в качестве иллюстративного материала с привязкой к соответствующим местам текста.

Всестороннее изучение культового комплекса *Мигъдау* – дело будущего. Теперь же мы хотим обратить внимание на два вопроса: о значении теонима *Мигъдау* и о характере культа данного божества.

Пчелиной принадлежит первая научная попытка истолкования теонима *Мигъдау*. В первой его части она видела осет. *мигъ* «туча», «облако», а вторую связывала с осет. *дауаг* «светлый дух», или же с осет. *дау*, которое, согласно Пчелиной, имеет два значения: 1) «подозрение» и 2) «клятва» [1, 27]. Несмотря на некоторые неточности (осетинское *дау* не имеет значения «клятва»), Пчелина предложила

версию, в русле которой велись все последующие этимологические поиски.

Б.А. Калоев во втором издании монографии «Осетины» (1971) также привел сведения о существовавшем в Урсдонском ущелье культе божества по имени *Мигъдауан*. Так же как и Пчелина, первую часть этого имени ученый идентифицировал с осет. *мигъ* «туман», а вторую оставил без объяснения как неподдающуюся переводу [9, 262]. Следует отметить, что форма *Мигъдауан* встречается только у Калоева, и нам не известны источники, которые могли бы ее подтвердить. Можно лишь предположить, что она представляет собой неправильно понятую в рукописном источнике форму дательного падежа от того же *Мигъдау* → *Мигъдауан* (см., например, в записях Е.Е. Бараковой: «*Мигъдауан йæ кувæнбон ваййы Ичъ-ынайы*» [10, 9]).

Во втором томе «Историко-этимологического словаря осетинского языка», вышедшем в 1973 г., В.И. Абаев предложил следующее толкование: «Восходит к **Maiga-tavah* – буквально “Туча-сила” ...вторая часть, *daw*, идентична с *dawjg* “божество” (← **vi-tāvaka* – “сила”)» [11, 117]. Данная этимология (которую справедливости ради следовало бы называть этимологией Пчелиной-Абаева) не встретила возражений специалистов, за исключением некоторых корректив ко второй части [12, 205]. З.Д. Цховребова и Ю.А. Дзиццойты в частности указали на трудность, связанную с возведением *Мигъдау* к древнеиран. **Maiga-tavah*, поскольку «из данного прототипа в осетинском ожидали бы как раз рефлекс *Мигъдау*, а не *Мигъдау*». Для объяснения формы *Мигъдау* исследователи допустили возможность реконструкции того же древнеиранского этимона, но с окончанием женского рода -ā [13, 391].

В связи с этим необходимо отметить одно немаловажное обстоятельство: полевые этнографические и лингвистические материалы первой половины XX в.

содержат только одно написание данного топонима – *Мигъдау* [14, 88, 102об.; 15, 14; 16, 18; 17, 280]. Именно его приводит и А.Д. Цагаева в монографии «Топонимия Северной Осетии» [18, 186]. Почему в таком случае Пчелина, а затем и Абаев использовали вариант *Мигъдау*? У Пчелиной в опубликованных работах и рукописных материалах путаница осетинских *æ / а* встречается настолько часто, что приводить конкретные примеры нет необходимости. Труднее допустить возможность подобного рода ошибки и у Абаева, однако следует иметь в виду, что вариант *Мигъдау* приводится им не как результат непосредственной «аускультации», а со ссылкой на неопубликованные материалы Бараковой, собранные ею во время совместной с Пчелиной экспедиции в Алагирское ущелье летом 1938 г.

При ближайшем рассмотрении выясняется, что текст Бараковой, весьма грамотный в части общей осетинской лексики, содержит ошибки в написании микропонимов и фамильных имен, относящихся к Алагирскому ущелью, при этом речь идет именно о путанице *æ / а*. Так, вместо правильного названия селения *Æрхон* в тексте неоднократно приводится *Архон* [10, 50, 69, 76, 81], вместо названия святилища *Æхсарты дзуар* – *Æхсарты дзуар* [10, 8, 9, 24], вместо названия местности *Хъæздон* находим *Хъаздон* [10, 5, 6, 21], вместо фамильного имени *Сидæмонтæ* – *Сидамонтæ* [10, 9], вместо *Созæтæ* – *Созатæ* [10, 5, 10, 15], вместо *Пагæтæ* – *Пагатæ* [10, 53]. Исходя из этого, мы считаем, что в материалах Бараковой рассматриваемое название также было зафиксировано с ошибкой (*Мигъдау* вместо *Мигъдау*) и в таком виде оказалось в распоряжении В.И. Абаева.

В дальнейшем ошибочный вариант *Мигъдау* получил широкое распространение в литературе [19, 96; 20, 37]. Мы находим его и в календаре осетинских праздников на 2022 г. [21, 7], и в недавно изданном на осетинском языке «Атласе

природы Алагирского ущелья» [22, 115, 117, 121, 135]. И все же в ряде научных и литературно-художественных изданий приводится правильное написание – *Мигъдау* [23; 24, 46].

Современный разнобой в произношении этого названия особенно отчетливо замечен в фильме Альбины Габуевой о проводившемся в Урсдонском ущелье в 2017 г. праздновании в честь *Мигъдау*: коренные жители (83-летний глава застолья Бимболат Зембатов, сидящий по левую руку от него Георгий Зембатов, наследственный хранитель святилища *дзуары лаг* Виталий Амбалов) ясно и с четким ударением на первом слоге произносят *Мигъдау*, в то время как научные консультанты, приглашенные для участия в фильме, называют святилище *Мигъдау*, равномерно распределяя ударение на оба слога [25]. Полагаем, следует полностью отказаться от некорректного варианта и признать единственным правильным осетинским написанием и произношением данного топонима – *Мигъдау*.

Относительно функций *Мигъдау дзуара*'а Пчелина пишет, что, согласно народным представлениям, он является, с одной стороны, патроном благоприятной для земледелия погоды, а с другой – местом совершения судопроизводства по обычному праву [1, 27]. Однако в этнографических записях другой участницы экспедиции 1938 г., Е.Е. Бараковой, функция покровительства земледелию у *Мигъдау дзуара*'а никак не прослеживается. И все же со временем среди исследователей преобладающим становится мнение об аграрном характере данного культа. Б.А. Калоев считал его аграрным божеством, призванным отгонять тучи, вредящие урожаю [9, 262]. Л.А. Чибиров в монографии «Традиционная духовная культура осетин» (2007) также относит *Мигъдау* к земледельческому культу [26, 531, 559].

Отнюдь не отрицая наличие у *Мигъдау дзуар*'а некоторых аграрных функ-

ций, мы все же полагаем, что они не были для него изначальными. Если рассматривать это святилище не само по себе, а как часть культового комплекса, то следует обратить внимание на то, что в священном заповеднике на пути к *Мигьдау дзуар* у находились два охотничьих святилища: *Цуанонты кувæндон* и *Æмбæлæггаджы кувæндон*. Этот факт вкупе с оленьими рогами в качестве приношений в самом *Мигьдау дзуар* позволяет допустить наличие и у божества *Мигьдау* функции покровителя мужчин-охотников. Ясно прослеживаемая в источниках связь между *Мигьдау* и *Ичгына* (см. примечание 60), возможно, свидетельствует о близости их функций, т.е. *Мигьдау* мог также обладать чертами божества,

покровительствующего скотоводству. Словом, вся сумма имеющихся в нашем распоряжении свидетельств позволяет рассматривать *Мигьдау дзуар* скорее как святилище охотников и скотоводов. Здесь также совершались военные обряды, примирение кровников и приведение к присяге в рамках обычно-правового судопроизводства. Здесь же молились о даровании мужского потомства. Не исключено, что со временем *Мигьдау дзуар* приобрел и аграрные функции, которые все же не были для него основными.

Надеемся, публикуемые материалы Е.Г. Пчелиной будут способствовать решению этих и многих других вопросов, которые ставит перед исследователями культовый комплекс *Мигьдау*.

ИЗ МОНОГРАФИИ Е.Г. ПЧЕЛИНОЙ «МЕСТНОСТЬ УАЛЛАГИР И ШЕСТЬ КОЛЕН РОДА ОСИБАГАТАРА»

Главным святилищем, объединяющим все кау¹ Урсдонского ущелья состоянием жмдзуардзы² «принадлежностью к одному святилищу», является Михдаудзуар³, находящийся в священном заповеднике Михдау⁴ (рис. 1).

Рис. 1. Священный заповедник Мигъдау.
© Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, 2022,
РЭМ 6443-1 «Святилище Михдау. 1938 г.».

Название этого святилища состоит из двух слов: мигъ «туман» и дау, которое может являться сокращением от слова дауег⁵ «светлый дух», или слова дау «подозрение», «клятва»⁶, в обоих значениях этого слова название это соответствует народному представлению о функциях этого святилища. С одной стороны, святилище Михдау является патроном благоприятной для земледелия и плодородия трав погоды, и, во-вторых, здесь [давались] клятвы при совершении судопроизводства по обычному праву. Заповедник Михдау расположен в устье Урсдонского ущелья на высотах левого берега реки Урсдон, западнее крепости Уаллаг Кау Фидар⁷.

На территории заповедника находятся следующие святилища, [расположенные] по направлению запад – восток, то есть вверх по течению реки Урсдон: Цуанонты кувандон⁸ – «святилище охотников» или Амбалагхаг кувандон⁹ – «святилище товарищей»¹⁰. Кувандон этот явля-

ется большой расплывчатой кучей камней. Находится он под Михдау кадзах¹¹ – «утесом Михдау» (рис. 2), на вершине которого расположено место молений для фамилий кау Цамад¹², подле родовых пашен фамилии Амбаловых.

Рис. 2. Скала Мигъдау къадзах. Место моления сел. Цамад.
Экспедиция Е.Г. Пчелиной 1938 г.
Фото Е.Г. Пчелиной.
НА СОИГСИ. Ф. 19. Д. 109. Л. 2.

Название его произошло оттого, что каждый охотник из этого ущелья, идя на охоту, кладет сюда камень и молится божеству-покровителю диких зверей Авсати¹³. Возвращаясь с охоты, охотник на этом месте отдает, как это полагается по обычному праву осетин, определенную товарищескую амбалагхаг – долю от убитой им дичи тем, кого он повстречал на своем пути. По представлениям осетин, каждый человек, встретившийся охотнику на пути, является соучастником (товарищем) в его удачах на охоте, почему и имеет право на свою долю в его добыче¹⁴.

Вслед за ним, выше по ущелью, у той же скалы стоит первый Худишан кувандон¹⁵ – святилище места снятия шапки в знак вступления в зону священного заповедника Михдау. Святилище это представляет сложенный сухой кладкой из рваных кусков камня жертвенник, четырехугольный в плане и почти кубический по форме. Размер сторон: 2,1 м Ч 1,75 м,

высота 1,12 м. В восточной стене его имеется ниша: высота 0,34, ширина 0,35, глубина 1,6 м. В нее наложены нышейнаг-тж¹⁶ – вотивные приношения: окаменелости (аммониты), просверленные камни, камни с бороздками, два чашеобразных камня с пятью углублениями в каждом. Предметы эти мною вынуты и отданы в Северо-Осетинский антирелигиозный музей.

За этим святилищем тропа начинает подниматься к месту кувда¹⁷ (совершения моления) в дни религиозные празднеств. На этой тропе – второй «Худишен кувандон», или же, по словам Эльмурзы Амбалтж, «Могила Ашахмата»¹⁸ (рис. 3).

Рис. 3. Святилище Худисаен (другие названия: Могила Ашахмата / Шаха, Ёмбæлæггаджы кувæндон).

Экспедиция Е.Г. Пчелиной 1938 г.

Фото Е.Г. Пчелиной.

Национальный музей РСО-А, КМСО 2828.

Здесь, якобы, обычно сидел Ашахмат, чтобы встречать идущих по этой тропе. Поэтому этот кувандон имеет и второе название «Амбалагкаг» «товарищеский», «встречный». По словам того же сказителя, Ашахмата похоронили в излюбленном им при жизни месте. Длина надмогильной укладки камней (сухой кладкой) 3 м, ширина 1,3 м, высота цирта 2,16 м.

Ширина у основания 0,55 м, размер нишки, обращенной на восток: 0,16 м Ч 0,16 м. Этот кувандон имеет вид типичного для средневековых осетинских кладбищ памятника-цирта¹⁹, сложенного каменной кладкой на известковом растворе и перекрытого двухскатной крышей, сделанной из шиферного сланца. Они имеются в Куртатинском ущелье (Лац) и в Дигорском (Лезгор, Донифарс, Махческ). Для Уаллагира эта форма цирта редкая.

Отсюда тропа круто подымается вверх и подводит к зданию главного святилища «Михдау-дзуар» (рис. 4). Оно представляет небольшую часовенку, сложенную из камней на известковом растворе.

Рис. 4. Святилище Мигъдау дзуар.

© Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, 2022,

РЭМ 6443-2 «Святилище Михдау. 1938 г.».

С северо-запада к ней примыкает цардаг^a, принадлежащий фамилии Дзугатае колена Цахилтае²⁰, являвшихся ранее главными владельцами святилища. С остальных сторон Михдаудзуар окружен стеной, образующей неправильной формы дворик. С южной стороны растут несколько священных деревьев, древних можжевельников, превратившихся в большие деревья (рис. 5-7). Часть из них высохла, но пока еще стоит. Можжевельникам этим, по местным преданиям, 800 лет.

Рис. 5. Можжевельниковое дерево у святилища
Мигьдәу дзуар.

© Российский этнографический музей,
Санкт-Петербург, 2022,
РЭМ 6443-3 «Священное дерево. 1938 г.».

Рис. 7. Можжевельниковое дерево у святилища
Мигьдәу дзуар.

Экспедиция Е.Г. Пчелиной 1938 г.
Фото Е.Г. Пчелиной.
НА СОИГСИ. Ф. 19. Д. 109. Л. 23.

Рис. 6. Можжевельниковое дерево у святилища
Мигьдәу дзуар.

© Российский этнографический музей,
Санкт-Петербург, 2022,
РЭМ 6443-4 «Священное дерево. 1938 г.».

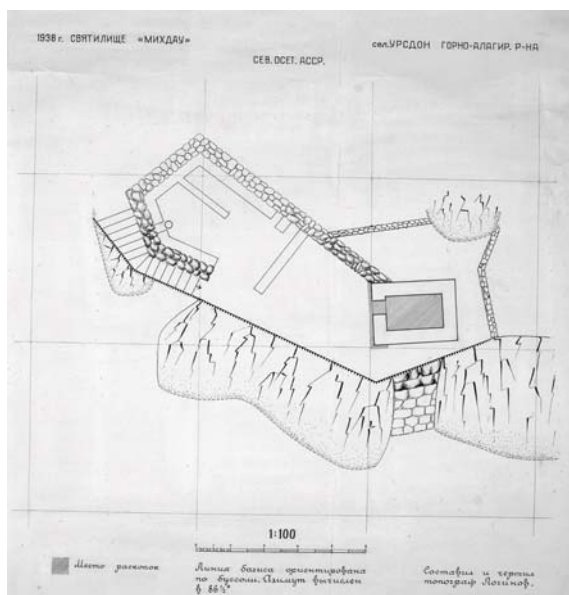

Рис. 8. План святилища Мигьдәу дзуар.

Экспедиция Е.Г. Пчелиной 1938 г.
Составил топограф Г.Г. Логинов.
СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 747. Л. 6.

Рис. 9. Святилище Мигъдау дзуар.
Западная часть, вход на площадку святилища.
Экспедиция Е.Г. Пчелиной 1938 г.
Фото Е.Г. Пчелиной.
НА СОИГСИ. Ф. 19. Д. 109. Л. 25.

Стены часовни внутри не оштукатурены, перекрыта она была на два ската обычным в Уаллагире способом: внутри часовни стояло по столбу, державшему балку матицы, на которую были уложены плиты из шиферного сланца таким образом, что нижним краем они упирались в продольные стены здания, а верхним в матицу. В настоящее время плиты упали внутрь помещения, разбившись на куски. Восточный столб крестообразный в сечении и рогообразная капитель тоже упали, подгнив снизу (столб мною вывезен и передан Северо-Осетинскому антирелигиозному музею в 1938 г.). Западный столб, более новый, стоит на своем месте (рис 10).

Пол часовни представляет хорошо утрамбованную земляную площадку с глубиной земляного слоя 0,24 м. Ниже, до глубины 0,55 м, идет слой засыпки площадки, на которой стоит часовня, плотно утрамбованным щебнем. Под ним оказался навал из камней, уравнивающий уровень скалы, служащей пьедесталом для часовни. Внутри часовни, на ее северной стене, на роге оленя, вставленном между камнями, висит небольшой древний колокол без надписи, считающийся священным. Колокол оставлен мною на месте. В щелях стен во многих местах всунуты железные наконечники стрел, относящиеся по времени к XIV-XVII векам.

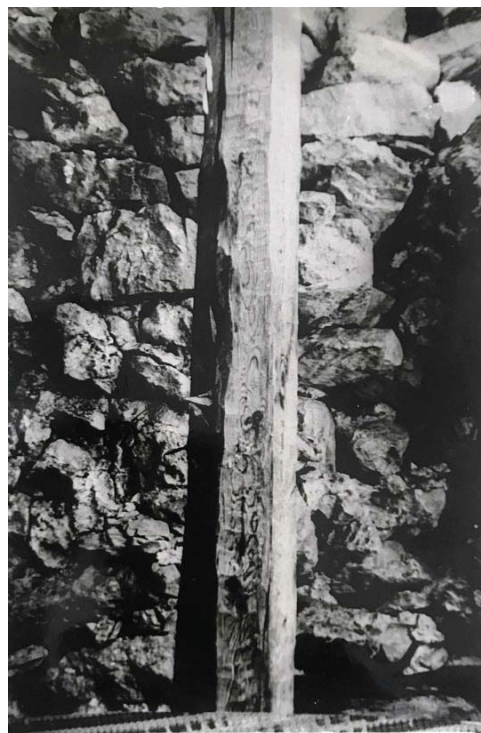

Рис. 10. Западный столб святилища Мигъдау дзуар с воткнутыми в него наконечниками стрел.
Экспедиция Е.Г. Пчелиной 1938.
Фото Е.Г. Пчелиной.
НА СОИГСИ. Ф. 19. Д. 109. Л. 26.

Святилище Михдау принадлежит к разряду тех, где происходило в течение ряда веков и вплоть до революции приведение к присяге на железе и клятва землей. Обвиняемый без шапки (босой), в белом одеянии наподобие савана, без пояса, подводился дзуарлагами святилища и соприсяжниками – родственниками по отцу – к каменной лестнице, ведущей в святилище. В руках у обвиняемого была какая-либо железная вещь из дома его предков, или же в шапке, которую он в таком случае держал в руках, он нес горсть земли, взятую с родовой пашни. По лестнице он поднимался один. Железо или землю в знак своей невиновности обвиняемый должен был отнести внутрь святилища и положить там. В случае если это было совершено, то абсолютная невиновность этого человека считалась доказанной²¹.

Кроме того, здесь существовала военная присяга, побратимство в обряде преломления древка стрелы и оставление наконечника ее внутри святилища²².

По местным представлениям, под зданием часовни Михдау имеется клад из золотых и серебряных предметов, объем которого равняется грузу поклажи на трех ослах.

Выше Михдаудзуара находятся развалины древней каменной церкви, сложенной на извести, и в плане она аналогична Михдаудзуару (рис. 11).

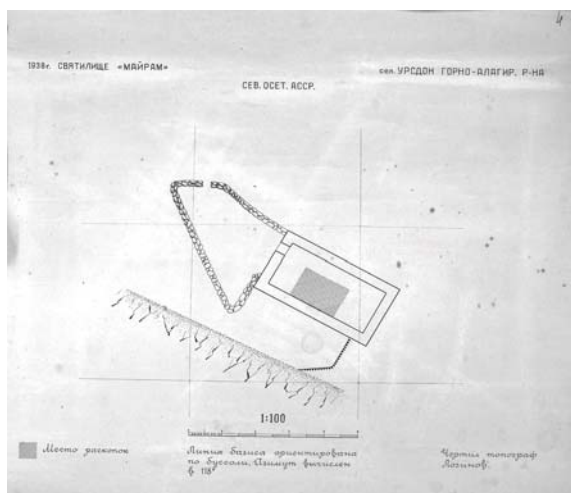

Рис. 11. План святилища Майрамы дзуар. Экспедиция Е.Г. Пчелиной 1938 г. Составил топограф Г.Г. Логинов. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 747. Л. 4.

С запада к ней пристроено помещение, сложенное сухой кладкой из камней, имеющее в плане неправильную форму, приближающуюся к треугольнику. Помещение это служит цардагом для женщин, совершающих здесь свой кувд. В южной стороне этого цардага в стене имеется ниша, украшенная рогами жертвенных быков и баранов. Тут же сложены и все предметы, необходимые для совершения кувда. И в церкви Майремдзуар²³, и в примыкающем к ней цардаге крыши не сохранилось. Внутреннее помещение Майремдзуара завалено камнями от обрушившейся кровли и упавших внутрь нее стен.

За заповедником Михдау, восточнее его, находится игрищное поле, предназначавшееся для состязания в конских скачках, борьбе, стрельбе в цель и различных гимнастических игр, совершавшихся в дни празднования Михдаудзуара и Ична.²⁴ Поляна эта довольно обширная и ровная. Руками урсдонцев с нее удалены все камни, могущие испортить лошадям ноги при скачках. На краю этого поля стоит цирт, якобы в честь Олладжир²⁵ – кромлех в кругу из камней, являющийся якобы могилой Олладжир²⁵ (рис. 12).

Рис. 12. Памятник в честь Уолладжыр'а. Экспедиция Е.Г. Пчелиной 1938 г. Фото Е.Г. Пчелиной. НА СОИГСИ. Ф. 19. Д. 109. Л. 19.

Вообще в Осетии цирты такого типа, как правило, никогда не ставятся над могилой. Высота цирта 2,21 м, ширина 0,34 м, толщина камня 0,11 м, диаметр круга из камней 2,6 м.

В конце этой поляны в ее крайней восточной части имеется Арвдзефæ дзуар²⁶ «святилище удара с неба» (рис. 13). В плане он представляет собою каменную кладку в виде удлиненного прямоугольника: длина 7,13 м, ширина около 2 м (не везде одинаковая), со сложенным посередине этой кладки жертвенником почти кубической формы, с нишей, обращенной на восток. Высота куба жертвенника 1,36 м, ширина сторон 0,93 м – 1 м. Этим дзуаром комплекс святилищ заповедника Михдау заканчивается.

Рис. 13. *Æрвдзæфы дзуар «Святылище удара молнии».*

Экспедиция Е.Г. Пчелиной 1938 г.

Фото Е.Г. Пчелиной.

Национальный музей РСО-А, КМСО 877.

Заповедник Михдау является родовым, он принадлежит колену Цахилтæ в целом, причем преимущественное право на него, выражающееся в ритуале моле-

ния и сидения за кувдом, принадлежит фамилии Дзугатæ. Но право посещения этого святилища предоставлено всем жителям Урсдонского ущелья, а также и всем желающим. У каждой родовой группы Урсдонского ущелья в заповеднике Михдау имеется свое место для совершения кувда. Так, Дзугатæ сидят в цардаге, примыкающем к помещению часовни Михдау. Вход сюда другим членам колена Цахилтæ ограничен. Войти в этот цардаг могут только старейшие из родовых групп колена Цахилтæ, присутствующих на кувде. Все остальные права входа сюда не имеют. Главным дзуарлагом²⁷, жрецом, на кувде Михдау является старейший из Дзугатæ. В настоящее время вследствие того, что из Дзугатæ в Урсдонском ущелье никого не осталось, главным дауардагом стал старейший из фамилии Амбалтæ²⁸, которые с Дзугатæ состоят в одном арвадæлтæ.

Примечание Е.Г. Пчелиной:

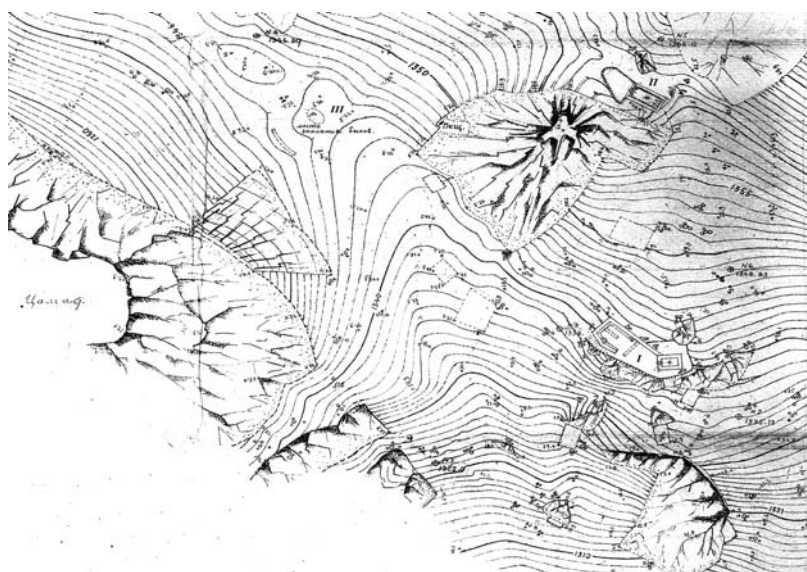
а) Цардаг – помещение для членов родового объединения, находящееся в зоне чествуемого святилища, в котором совершается моление и ритуальный пир²⁹.

Пчелина Е.Г. Местность Уаллагир и шесть колен рода Осигагата. НА СОИГСИ. Ф. 6. Д. 21. Л. 27-34.

**ИЗ ГЛАВЫ III «КУВД. МОЛЕНИЕ»
ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ Е.Г. ПЧЕЛИНОЙ**

Родовые кувды совершаются в кругу или всего рода, или же одного из родовых арвадæлтæ³⁰ – «братств», или же одной фамилии внутри этого арвадæлтæ^a, как, например, в святилище Михдау^b в Урсдонском ущелье. Относясь к колену Цахилтæ из рода Осибэгатара³¹, святилище это выделяло жрецов из одного только арвадæлтæ и из одной

только фамилии Дзугатæ^c. На кувд в честь этого святилища в заповедник Михдау (рис. 14) собираются все Цахилтæ, как из Урсдонского ущелья, так и из всех мест, куда они в течение ряда лет отсюда выселялись, безразлично, будь это в Северной или Южной Осетии или же в Грузии – Карталинии или Кахетии^d.

*Рис. 14. Карта священного заповедника Мигьдæу (фрагмент).
Экспедиция Е.Г. Пчелиной 1938 г. Составил топограф Г.Г. Логинов.
СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 747. Л. 2.*

*Римскими цифрами нами отмечены: I – святилище Мигьдæу дзуар,
II – святилище Майрæмы дзуар, III – место заклания жертвенных быков.*

Даже в настоящее время для стариков, живущих вне Урсдонского ущелья, а также женщин из колена Цахилтæ, выданных замуж в другие осетинские рода, далеко от родных мест, посещение родового святилища раз в год или в несколько лет раз – судя по дальности расстояния – составляет обязанность первостепенной важности.

Все мужчины, собравшиеся на кувд в Урсдонском ущелье, располагаются на территории заповедника Михдау в местах, строго ограниченных и определенных для каждого арвадæлтæ и внутри них для каждой фамилии. Места эти на-

ходятся в южной части священного заповедника. Мужчины же фамилии Дзугатæ идут на кувд в сардаг, примыкающий непосредственно к зданию святилища Михдау, являющегося древней христианской часовней типа грузинской каплицы.

Мужчины остальных селений Урсдонского ущелья, более поздних разнородовых образований, собираются в юго-западной части священного заповедника, у его края, и сидят все вместе. Там же располагаются и гости разных родов, прибывшие на этот кувд. Но бывает и иначе. В том же Урсдонском ущелье на кувде около святилища Заронд Уастрджи³² –

«Старый Уастрджи», являющегося древним святилищем-покровителем военных дружин колена Цахилтæ, гости, приглашенные на этот кувд, сидят отдельным рядом, по старшинству лет, не соприкасаясь с членами колена Цахилтæ, которые располагаются рядами по арвадæлтæ. Женщины в этом кувде не участвуют.

В священном же заповеднике Михдау в день кувда, который является общим, без полового различия, женщины всех родов, арвадæлтæ и фамилий, собравшихся на этот кувд, собираются все вместе в северо-восточной части заповедника выше зоны, отведенной мужчинам, у святилища Майрем³³ (также развалины древней часовни).

На ритуальном пиру кувда мужчины рассаживаются внутри своих групп с соблюдением старшинства лет, а женщины, так же как и разнородовая группа мужчин, рассаживаются без соблюдения родовых подразделений, только в порядке старшинства лет. «Вверху» стола – наиболее старые, «внизу» стола – наиболее молодые из мужей, которым положено сидеть, кастæртæ³⁴ – младшие до 25 лет – стоят вдоль рядов сидящих и прислуживают совершающим ритуальный пир.

Дзуарлагом святилища Михдау должен быть наиболее старый из фамилии Дзугатæ, хотя бы он был моложе всех стариков, собравшихся на кувде из других фамилий, хотя и того же колена Цахилтæ. В настоящее время, вследствие того что все Дзугатæ из Урсдонского ущелья выселились и последний дзуарлаг святилища Михдау из этой фамилии умер, дзуарлагом является Эльмурза Амбалтæ, 1817 г. рождения, из колена Цахилтæ и из того же арвадæлтæ, к которому принадлежит и Дзугатæ.

Урсдонское ущелье по историческим сказаниям осетин является первоначальным местом образования древнего алано-осетинского рода Осигагатара, впоследствии распавшегося на шесть Алагирских колен: Царазонтæ³⁵, Сид-

монтæ³⁶, Кушагонтæ³⁷ – Цахилтæ, Агузатæ³⁸ и Тидлатæ. То, что в священном заповеднике Михдау на кувде, хотя и присутствует все колено Кушагонтæ – Цахилтæ, но преимущество отдается только одной фамилии Дзугатæ, указывает на то, что кувд этот относительно поздний и что Дзугатæ в какой-то большей мере, чем все остальное колено, связано с почитанием оязыченной впоследствии христианской часовни, в которой, быть может, Дзугатæ были деканозами, или же может быть и так, [что] именно Дзугатæ построили эту часовню и были первыми христианами в этом ущелье³⁹. <...>

Переходной формой от святилища узкородового назначения к разно- (смешано-) родовому, а в соответствии с этим и [переходным] порядком выбора дзуарлæгтæ, является святилище Михдау в Урсдонском ответвлении Алагирского ущелья. В Михдау еще лет 15 тому назад дзуарлагом этого святилища был старший в роде из фамилии Дзугатæ из колена Цахилтæ – только он один имел право входа в святилище один раз в год. Остальные Дзугатæ имели право входа только в свой сардаг, раз в год. Кроме Дзугатæ, сюда никто не допускался, даже члены того же арвадæлтæ, к которому принадлежали Дзугатæ. Все остальные члены колена Цахилтæ со всеми их арвадæлтæ, а также живущие здесь род Антутæ⁴⁰ и разнородовые пришлые осетины сидели в зоне священного заповедника Михдау, каждый на отведенном им месте под открытым небо, не имея даже собственных сардагов. После выселения всей фамилии Дзугатæ из Урсдона на плоскость и образования ими колхоза, обязанности дзуарлæга Михдау легли на старшего по летам из фамилии Амбалтæ, принадлежащей к тому же арвадæлтæ, что и Дзугатæ, и к тому же колену Цахилтæ, Эльмурзу Амбалтæ (рис. 15), 1817 года рождения, который получил себе в помощники (рис. 16) ежегодно сменяемого по жеребьевке в кругу амдзуардзы,

состоящего из разнородного, смешанного объединения жителей Урсдонского ущелья.

Рис. 15. Эльмурза Амбалов, жрец святилища Мигъдау дзуар.
Экспедиция Е.Г. Пчелиной 1938 г.
Фото Е.Г. Пчелиной.
СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 729. Л. 7.

Рис. 16. Жрец святилища Мигъдау дзуар из фамилии Амбаловых (имя неизвестно).
Экспедиция Е.Г. Пчелиной 1938 г.
Фото Е.Г. Пчелиной.
СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 745. Л. 11.

<...> Конные ристалища на кувдах у осетин и игра всадниками в мяч⁴¹ в честь Уастрджи существовали в ущельях Осетии в средние века, по-видимому, повсеместно по крупным общеродовым или общеущельным святилищам^е, но к XIX веку они остались, насколько мне известно, только в Рекоме и в Михдау – в двух святилищах рода Осигагатара.

Примечания Е.Г. Пчелиной:

а) Арвадæлтæ осетин особых наименований не имеет, вследствие чего, по-видимому, они и ускользнули от внимания таких крупных исследователей, как М.М. Ковалевский и В.Ф. Миллер, занимавшихся социальным строем осетинского общества. В каждом древнем осетинском роде имеются арвадæлтæ – «братство». Они внутри себя распадаются на более поздние образования фамилий.

б) В литературе не известно. Найдено мной в 1928г. и изучалось мною в течение ряда лет. Разведочные раскопки подле⁴² него мною были сделаны в 1938 г. Об этом исключительного интереса ущелье в литературе об осетинах ничего нет кроме нескольких газетных статей межевого инженера А.Е. Скачкова, бывшего здесь на межевании. См.: Скачков А.Е. Опыт статического исследования горного уголка (экономический очерк) // Терские ведомости. 1905. № 211-215, 219, 221, 222, 224, 225; Скачков А.Е. Празднование дзуаров // Терские ведомости. 1905. № 226; Скачков А.Е. Легенды и предания осетин // Терские ведомости. 1905. № 233, 235, 239⁴³.

с) Из этой фамилии вышел предок отца И.В. Сталина, переселившийся из Алагирского ущелья в Южную Осетию⁴⁴.

d) Переселение осетин в Грузию особенно увеличилось в начале XIX века, во время присоединения Грузии к России.

е) В литературе имеются сведения об конных ристалищах и спортивных играх на кувдах у осетин, относящихся к половине XIX в. См.: Аткидан-Нузер. Шумаржа // Ставропольские Губернские Ведомости. 1850. № 11. С. 116-117, и обзор этой статьи: Известия Кавказского Отдела Императорского Русского географического общества. 1875-1877. Кн. IV. С. 12-13; Беридзе Н.Г. Вашкирки // Кавказ. 1855 г. № 75. С. 323 (об кувде в Герис-джвари в Юго-Осетии).

СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 768.
Л. 9-12, 24, 25, 69, 70.

Е.Г. ПЧЕЛИНА. ЗАПИСИ ОТ ЯПОНА ХЕСТАНОВА

Дзбоев Бато из сел. Донисар⁴⁵ был мальчиком, когда Эльмурза⁴⁶ [был] юношей лет 20, то Эльмурза зашел в найфет⁴⁷ Михдау и сделал в крыше дыру и залез туда, после чего ослеп и едва дошел до Урсдона⁴⁸. Бечмурза, отец Эльмурзы, он попросил Челохсаева Сабана, Дзбоева Тухъа, Хестанова Алихана и они делали березовые бирки жребия, клали в шапку, трясли ее и молились, чтобы бирка выпала. Поднялись на Михдау дзуар. Знахарка Хаир, жена Дудиева Бала из сел. Биз⁴⁹, родом из Ксурта⁵⁰, из фамилии Баскаевых. И когда Хаир гадала, брала араку⁵¹, помолится, выпивает араку в стакане, ставит на руку и стакан не падает, и начинает рассказывать: зарежьте быка белого, пива, чтобы вернул бы зрение Эльмурзе. Зрение вернулось. Быка зарезали, собрались три старика, все собрались, то при передаче физонег⁵², когда отдавал ему шашлык, то Дзбоев Бато был мальчиком, и они схватили шашлык и убежали, и Эльмурзе вернулось зрение⁵³.

Айлярров Азо из Урсдонского ущелья. У него не было детей, и он приехал на праздник Михдау дзуар на Галаргавдан⁵⁴, и присутствовавшие на кувде стали молить, чтобы родился до следующего праздника, то привел бы 3-х летнего быка для жертвы. Родился сын, и он приехал с быком. Потом у него было 5-6 мальчиков, и последний сын 20 лет привел опять 3-х летнего быка (рис. 17).

Арвижен⁵⁵. (здесь и далее подчеркивание автора) святилище, кувдон⁵⁶. Однажды на Михдау бын собрались, когда женщина шла и вела маленькую дочку. Приближаясь, стала стесняться мужчин

и прикрыла девочку одеждой, а когда дальше прошла, то девочка стала мальчиком⁵⁷.

В Дагоме. На кувде в Михдау. Только II воскресенье⁵⁸. Ична.

Цамад. На кувде в Михдау. Только на II воскресенье.

СПб АРАН. Ф. 1017. Оп. 1.

Д. 161. Л. 62-66.

Рис. 17. Место загона жертвенных быков на территории святилища Мигъдау дзуар.

Экспедиция Е.Г. Пчелиной 1938 г.

Фото Е.Г. Пчелиной.

НА СОИГСИ. Ф. 19. Д. 109. Л. 24.

Урсдонское ущелье. Михдау. На кувде сидят по мыгкаг⁵⁹. Режут баранов, но не быков.

Урсдонское ущелье. Поляна дл скачек в священном заповеднике Михдау. Скачки на кувде Ична.

Урсдонское ущелье. Михдау. Ична в воскресенье через неделю⁶⁰ кувда в Михдау.

СПб АРАН. Ф. 1017. Оп. 1.

Д. 279. Л. 371-373.

Примечания:

1. Кау – осет. хъæу «селение».
2. Æмдзуардзы – неясная форма, которая, однако, присутствует и в машинописном тексте, и (неоднократно) в автографе Пчелиной. Наличие такой формы в осетинском языке не подтверждается ни одним лексикографическим источником. С другой стороны, в литературе встречается æмдзуар как обозначение людей, связанных почитанием одного и того же святого/святилища, шире – единоверцев [27, 372].
3. Михдаудзуар – осет. Мигъдæу дзуар, Мигъдæуы дзуар «святилище Мигъдæу».
4. Михдау – осет. Мигъдæу
5. Дауег – осет. дауæг «божество», «небесный дух-покровитель».
6. Дау – осет. дау «подозрение, ложное обвинение», также «молва, слухи». Значение «клятва» у данного слова отсутствует.
7. Уаллаг Кау Фидар – осет. Уæллаг хъæуы фидар «Крепость Верхнего селения», Урсдонская пещерная (скальная) крепость, возникновение которой предположительно относится к XII-XIII вв. [28, 69]
8. Цуанонты кувандон – осет. Цуанонты кувæндон «молельня охотников».
9. Амбалаггаг кувандон – осет. Æмбæлæггаг кувæндон «Æмбæлæггаг'а молельня».
10. «Святилище товарищей» – неточный перевод: Пчелина путает осет. æмбал (мн. ч. æмбæлттæ) «товарищ» и æмбæлæггаг «доля встречного» (от осет. æмбæлæг «встречный»; см. примечание 14).
11. Михдау кадзах – осет. Мигъдæу къæдзæх «скала Мигъдæу».
12. Цамад – осет. Цъамад, древнее высокогорное селение Урсдонского ущелья, согласно преданию, основанное потомками Сидамона, сына легендарного Ос-Багатара.
13. Авсати – осет. Æфсати, божество диких животных.
14. Æмбæлæггаг «доля встречного» – слово, обозначающее ту часть туши убитого зверя, которую охотник обязан отдать тому, кого встретит на пути. Подробнее об этом обычае см.: [29, 15, 81, 85, 87, 90, 158].
15. Худишан кувандон – осет. Худисæн кувæндон «Молельня (того) места, где снимают шапку».
16. Нышейнагтæ – осет. нысайнаг (мн. ч. нысайнагтæ), мысайнаг (мн. ч. мысайнагтæ) – предмет или деньги, оставляемые в святилище как приношение божееству.
17. Кувд – осет. куывд «молитва», «религиозное пиршество».
18. Ашахмат, варианты: Ашах, Шах – брат Уалладжира, легендарного героя-эпони-ма Алагирского ущелья (см.: [30, 231, 241]).
19. Цирт – осет. цырт «надгробный камень, памятник».
20. Цахилтæ – осет. Цъæхилтæ.
21. Приведенное описание присяги отличается от того, что известно о ней из других источников. Обвиняемый должен был оставить в святилище залог, называемый по-осетински цъынды, и через несколько дней забрать его. Поскольку, по народным представлениям, эта процедура грозила преступнику неминуемой карой святилища (болезнью, слепотой или смертью), ее добровольное выполнение воспринималось как доказательство невиновности подозреваемого. Виновный же, опасаясь негативных последствий, не решался войти в святилище и забрать оставленный там залог. В виде залога в святилище оставляли железный предмет или иную вещь, принадлежащую обвиняемому, но из сообщения Пчелиной следует, что таким залогом могла быть и земля, взятая с родовой пашни обвиняемого. У других авторов подобные сведения отсутствуют. Л.А. Чибиров отмечает, что обвиняемый приносил в свое оправдание

клятву землей, но совсем иного вида: «Взяв горсть земли в рот, он произносил: «Если я виновен в этом деле, то пусть покарает меня дух земли» (кад ацы хъуыддаджы ах-хосджын дæн, уæд зæххы бардуады фыдæх ссарон). Ложная присяга угрожала ему уничтожением семьи» [26, 101]. Еще одна разновидность клятвы землей применялась у осетин при решении споров о границах земельных наделов. Вот как описывает ее Дж. Шанаев: «Присягоприимец, набравши в полу черкески или бешмета земли, должен был, обходя границы спорного участка и сыпая по ним находившуюся у него в поле землю, произносить: “Да обратится на меня присяга вот этой земли, если только по эти границы не принадлежит мне земля эта!”. Обошед таким образом участок, он становился уже бесспорным его собственником, ибо присяга принята» [31, 18]. Любопытно, что в материалах другой участницы экспедиции 1938 г., Е.Е. Бараковой, сведения о судебной присяге также отличаются от того, что пишет Пчелина. Так, в качестве заклада обвиняемый должен был оставить в святилище свою шапку (без земли!) либо другой принадлежащий ему предмет: «Ард чи хордта, уый-иу йæ худ цывæрдта дзуары бын. Стæй йæ хъуамæ фæстæмæ раистайд. Кæд йæ нæ иста – уæд зылын уыд. Худы бæсты-иу авæрдтой æндæр исты дзаума дæр, кæнæ æфсæйнаг, йæ та æхца» / «Тот, кто приносил клятву, оставлял свою шапку в святилище. Потом он должен был забрать ее обратно. Если он не забирал ее – значит, был виновен. Вместо шапки оставляли и другие свои вещи, или железные предметы, или же деньги» [10, 51]. В записях Бараковой клятва землей не связывается со святилищем Мигъдæу дзуар. К ней прибегали при решении земельных вопросов, причем местом совершения соответствующей процедуры, точно так же, как и в описании Шанаева, был непосредственно спорный участок земли: «Дзырддаг зæхх-иу куы уыд, уæд-иу ард хордтой зæххæн йæхицæй. Зæххæй-иу ард афтæ хордтой: лæг-иу фæдджийы зæхх систа æмæ йæ ахастайд йæхи кæй хоны, уыцы зæххыл. Тæрхонылæг-иу уын загътаид: “Уæдæ дæ фæдджийы сис зæхх æмæ йæ ахæсс дæхи кæй хоныс, ууылты”. Æмæ-иу кæд ахаста, уæд зæхх уый уыд» / «Если имелась спорная земля, то присягу принимали самой землей. Клятву землей совершали так: человек набирал в полу [своей одежды] землю и обносил ее по тому участку земли, который считал своим. Судья говорил ему: “Так возьми же земли в свою полу и обнеси ее по границам того участка, который считаешь своим”. И если он обносил, то земля считалась принадлежащей ему» [10, 51].

22. В материалах Е.Е. Бараковой, аналогичное действие, совершавшееся в святилище Мигъдæу дзуар, определяется не как военная присяга или побратимство, а как обряд примирения кровников: «Мигъдау уыд ахæм дзуар, æмæ туджджынтæ кæм фидыдтой: уым-иу сæ фæттæ асастой æмаæ сæ-иу уым ныууагътой нысанæн кæй бафидыдтой, уый тыххæй» / «Мигъдау был таким святилищем, где совершалось примирение кровников: там они преломляли свои стрелы и там же оставляли как знак примирения» [10, 9].

23. Майремдзуар – осет. Майрæмы дзуар, или Мады Майрæмы дзуар «святилище Матери Марии», старинная церковь в честь Пресвятой Богородицы, ныне функционирующая как святилище небесной покровительницы женщин Мады Майрæм.

24. Ична – осет. Ичъына, божество, празднование в честь которого было приурочено к периоду перегона мелкого рогатого скота с летних пастбищ в селения и совершалось, согласно записям Пчелиной, через неделю после праздника в честь Мигъдæу.

25. Олладжир – осет. Уæлладжыр, легендарный герой-эпоним Алагирского ущелья, отец Ос-Багатара. Подробнее см.: [30, 231, 241].

26. Арвдзæфæ дзуар – осет. Æрвдзæфы дзуар «Святилище удара молнии».

27. Дзуарлаг – осет. дзуары лæг «служитель святилища, жрец».

28. Амбалтæ – осет. фамилия Ёмбалтæ.

29. Цардаг (в рукописях Пчелиной встречается также в форме сардаг) – осет. цардахъ «навес». Под такими навесами, расположенными возле святилища, сидели принадлежащие к одной фамилии участники пиршества.

30. Арвадæлтæ – осет. æрвадæлтæ «родичи» – родственный коллектив, объединяющий несколько фамилий, связанных происхождением от одного общего предка (см. подробнее: [9, 193]).

31. Осибататар – осет. Ос-Бæгъатыр, Ос-Багъатар.

32. Заронд Уастрджи – осет. Зæронд Уастырджиджи.

33. Майрем – осет. Майрæмы дзуар, женское святилище, находящее на склоне горы Мигъдæу.

34. Кастæртæ – осет. кæстæртæ «младшие».

35. Царазонтæ – осет. Цæрадзонтæ.

36. Сидамонтæ – осет. Сидæмонтæ.

37. Кушагонтæ – осет. Хъусагонтæ.

38. Агузатæ – осет. Ёгъуызатæ.

39. Пчелина неоднократно подчеркивает, что главными владельцами и, вероятно, строителями святилища Мигъдæу дзуар были Дзутаевы. В связи с этим интересно отметить относительно недавнее наблюдение Д.В. Белецкого. Предположив, что старинная церковь в с. Фараската (Северная Осетия) строилась не сельской общиной, а только одной фамилией или даже конкретной персоной, исследователь пишет: «Вопрос об изначальной владельческой принадлежности горских храмов никем, кажется, не затрагивался, однако, судя по всему, многие из известных храмов-святилищ Осетии, Ингушетии и Балкарии в первое время своего существования были собственностью вполне конкретных построивших их семей, т.е. являлись частной недвижимостью» [32, 40].

40. Антутæ – осет. Ёнтутæ, Ёнтутатæ, группа родственных фамилий, проживавших в селении Цамад и ведущих свое начало от Антута. Ссылаясь на народные предания, Пчелина пишет, что Антут был выходцем из Унальского ущелья, где жили родовые группы, не относившиеся к потомству Ос-Багатара [1, 49]. Согласно другим сведениям, Антут был сыном Сидамона [9, 44], и стало быть, все происходящие от него фамилии принадлежат колену Сидамонта рода Ос-Багатара.

41. О существовании в прошлом у осетин конной игры в мяч прямых письменных свидетельств не сохранилось. Имеются сведения о бытовавшей у карачаевцев, чеченцев, ингушей и грузин игре в мяч на лошадях, однако согласно К.У. Тайсаеву, тезис о ее общекавказском распространении не подтверждается осетинскими, абазинскими и черкесскими материалами [33, 129, 130]. Тем не менее некоторые данные говорят в пользу достоверности сообщения Пчелиной. Распространенная прежде в Кадгароне, Ардоне и селах Алагирского ущелья игра в мяч, во время которой подростки садились на плечи своих товарищей [34, 94-96], вероятнее всего, является детским вариантом взрослой игры всадников. В аналогичной игре, зафиксированной в сел. Сунжа Северной Осетии, участники делились на две партии с красноречивыми названиями: «кони» и «всадники» [34, 133, 134]. В.В. Джусоев также приводит описание похожей детской игры в мяч с не менее говорящим названием – Уæлбæхæй хъазт, т.е. «Игра на лошадях». Как отмечает автор, Уæлбæхæй хъазт является наследницей некогда бытовавшей у осетин игры в мяч, которая, по свидетельству стариков, действительно проводилась взрослыми участниками на лошадях [35, 24-26].

42. Согласно плану Г.Г. Логинова (рис. 8), раскопки 1938 г. проводились не только «подле», но и внутри святилища Мигъдау дзуар.

43. Ссылка Пчелиной на работы А.Е. Скачкова неполная: указаны лишь название газеты и год издания («Терск. Вedom. 1905 г.»). Названия статей Скачкова, а также номера «Терских Ведомостей», в которых они публиковались, приведены нами. Пчелина не вполне корректно оценивает вклад Скачкова в изучение Урсдонского ущелья. Помимо большого количества статей, содержащих ценные этнографические сведения, Скачков опубликовал свои наблюдения и в виде отдельной брошюры [36].

44. К версии об осетинском происхождении И.В. Сталина склоняется и автор его трехтомной биографии американский историк Стивен Коткин [37, 15].

45. Донисар – осет. Донысæр, селение в Урсдонском ущелье, основанное, согласно преданию, младшим сыном Цахила, т.е. внуком легендарного Ос-Багатара [1, 47]. По другому преданию, основателями селения были братья Каллаговы из селения Урсдон [10, 79].

46. Эльмурза – Эльмурза Бечмурзаевич Амбалов, осет. Æмбалты Елмырзæ Бечмырзæйы фырт (рис. 15), старожил из селения Урсдон, жрец святилища Мигъдау дзуар. Во время экспедиции 1938 г. 120-летний Эльмурза Амбалов стал одним из главных информаторов Пчелиной и Бараковой. По сообщению его внучки, Тамары Бекановны Амбаловой, Пчелина останавливалась в доме Эльмурзы Амбалова, и в их семейном архиве сохранилась фотография Эльмурзы, сделанная Евгенией Георгиевной. В фонде Пчелиной также имеется фотография Эльмурзы Амбалова со следующей подписью на обороте: «Колхозник селения Урсдон Эльмурза Амбалов, родился 1817 г. Записаны сказания об Шахе и основании селений в Архонском ущелье. Фото Пчелиной 1938 г.» [38, 7]. Эту фотографию упоминает в своей содержательной статье В.В. Онощенко, но в качестве иллюстрации по ошибке приводит вместо нее фотографию другого сказителя – Джиорджи Черчесова [39, рис. 11, 12].

47. Найфет – осет. найфат «родовое святилище в горах».

48. Урсдон – селение в Урсдонском ущелье, основанное, согласно преданию, потомками среднего сына Цахила.

49. Биз – осет. Быз, селение в Алагирском ущелье.

50. Ксурта – осет. Ксуртæ, селение в Алагирском ущелье.

51. Арака – осет. арахъхъ «водка, самогон».

52. Физонег – осет. физонæг «шашлык».

53. Известный сюжет осетинских преданий о святых местах: человек нарушает запрет или совершает какое-либо неуважительное действие в отношении святилища и непременно подвергается со стороны последнего суровому наказанию (слепотой или болезнью), снять которое можно лишь искупительной жертвой. Труднообъяснимым в данном случае является то, что неблагоприятное действие в отношении Мигъдау дзуар'а приписывается 20-летнему Эльмурзе Амбалову, которого через много лет местные жители, вероятно, помнившие о его из ряда вон выходящем поступке, выбрали жрецом этого святилища (рис. 15). Необходимо отметить, что Эльмурза был известным кузнецом [10, 4] и пользовался большим уважением в обществе. Пчелина лично знала Эльмурзу Амбалова, ей также было известно о выполняемых им жреческих функциях в Мигъдау дзуар'е, тем не менее она фиксирует этот удивительный рассказ Япона Хестанова без каких-либо пояснений.

54. Галаргавдан – осет. галæргæвдæн «заклание быка», т.е. день принесения в жертву быка для пиршества в честь Мигъдау дзуар.

55. Арвижен – осет. Æрвизæн, такого названия святилища нет ни в одном исследовании.

довании по осетинской топонимии. Ёрвизаён фигурирует в недавно изданном «Атласе природы Алагирского ущелья», но не в качестве экклезионима, а как название местности недалеко от святилища Мигъдау дзуар [22, 120]. Для первой части Ёрв-ср. культовый термин Ёрвиагъд (Ёвриагъд). Во второй его части, возможно, тот же компонент -изаён, что и в Мадизаён, названии святилища-площадки селения Дагом Урсдонского ущелья, на которой выборные судьи решали важнейшие общественные вопросы. Об этимологии Мадизаён см.: [11, 63]. Не исключено, что похожие регулятивные функции некогда были присущи и Ёрвизаён'у, поскольку в записях Пчелиной, сделанных от Япона Хестанова, находим следующую короткую заметку: «Урсдонское ущелье. Обычное право – Арвижаён» [5, 11].

56. Кувдон – осет. куывддон «место совершения молитвы, религиозного пиршества».

57. Превращение девочки в мальчика вряд ли могло иметь в патриархальном сознании отрицательную оценку. В другом тексте, содержащем аналогичный мотив и записанном Пчелиной от того же Япона Хестанова, на известие о превращении новорожденной девочки в мальчика старшие родственники реагируют однозначно: «Это счастье» [5, 51]. Поэтому и здесь речь не идет о наказании со стороны Мигъдау дзуар'а, тем более что женщина никакого запрета не нарушила, а напротив, поступила в соответствии с нормами поведения. Возможно, чудесное превращение девочки в мальчика отражает некие этнографические реалии, и в связи с этим стоит обратить внимание на одно малоизвестное свидетельство профессора А.Н. Краснова (1862-1914), побывавшего в Осетии в 1898 г. Ученый пишет об осетинском обычае «посвящения женщин в мужчин», причину возникновения которого объясняет тем, что в нелегких горных условиях каждая семья желала иметь прежде всего мужское потомство, а не женское. Если же в семье рождались только девочки, то отец мог прибегнуть к необычному решению: «Он дает одной из своих дочерей мужское имя, одевает ее в черкеску, посылает ее в общество мальчиков, среди которых она растет и воспитывается до 21 года. С нею обращаются как с мужчиною. Она ездит верхом и принимает участие во всех работах и упражнениях юношей; величайшим оскорблением для нее считается назвать ее где-либо в обществе женщиной или женским именем. Так растет и воспитывается молодая осетинка, ничем не отличаясь от своих товарищей, пока, наконец, по достижении совершеннолетия борьба со страстями не заставит ее удалиться в монастырь» [40, 14]. Ученый уверяет, что сам видел «жертв» такого посвящения, и в подтверждение своих слов приводит фотографию, на которой запечатлены две девушки и стоящий между ними юноша. Подпись к фотографии гласит: «Три сестры осетинки» [40, 13]. Юноша без усов, на нем папах (вероятно, каракулевая), темная длинная черкеска, на поясе кинжал, который он держит левой рукой – ничто в его облике, равно как и в выражении лиц его сестер, не выдает участников шуточного ряжения. Видимо, приведенный пассаж, несмотря на его малоправдоподобную концовку (неясно, о каком «удалении в монастырь» идет речь), все же заслуживает доверия. Об аналогичной практике, существующей в наше время у афганцев, рассказывает шведская журналистка Дженни Нордберг в своей книге «Подпольные девочки Кабула». Отсутствие мужского потомства – настоящее несчастье для традиционной афганской семьи. Особенно нелегко, отмечает Нордберг, приходится женщине: ее могут отвергнуть как дохтар зай «рождающую дочерей», а бездетную наделяют еще более унижительным эпитетом – хошк «сухая, бесплодная». Если же учесть, что в патриархальном обществе наследование имущества совершается по мужской линии, то становится понятным, почему не имеющие наследника родители решаются «превращать»

тить» одну из своих дочерей в сына [41, 15-29 сл.], причем происходит это по сути тем же способом, который описан у Краснова. Об элементах травестизма в этнографии осетин см.: [19, 183, 184, 207, 208].

58. Имеется в виду второе воскресенье октября.

59. Мыгкаг – осет. мыггаг «род, фамилия».

60. Согласно этнографическим записям Е.Е. Бараковой, празднование в честь Мигъдау совпадает по времени с Ичъына [10, 9], и в дальнейшем среди этнографов утвердилось именно такое представление (см., например: [19, 96; 23]). Однако из записей Пчелиной следует, что праздник Ичъына хотя и отмечали у святилища Мигъдау дзуар, но не одновременно, а только через неделю после празднования в честь Мигъдау, т.е. во второе воскресенье октября. Отличия имелись не только во времени проведения, но и в жертвоприношении: если в день Мигъдау приносили в жертву быков, то на Ичъына резали только баранов, что может характеризовать это божество как покровителя мелкого рогатого скота. В остальном сохранялся известный порядок празднования, когда участники пиршества располагались в своих фамильных цардах'ах. Тесная связь между Мигъдау и Ичъына, возможно, свидетельствует о близости их функций и позволяет предположить, что Мигъдау также обладал чертами божества, покровительствующего скотоводству.

1. Пчелина Е.Г. Местность Уаллагир и шесть колен рода Осигагата // Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (НА СОИГСИ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 21.

2. СП6Ф АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 768.

3. СП6Ф АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 769.

4. Газданова А.В., Блажко А.В. Планы докторской диссертации Е.Г. Пчелиной: эволюция взглядов или аттестационная конъюнктура? // Археология, этнография и языки Кавказа. К 125-летию со дня рождения Е.Г. Пчелиной. СПб.: Реноме, 2020. Вып. 2. С. 47-78.

5. СП6Ф АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 161.

6. СП6Ф АРАН. Ф. 1017. Оп. 2. Д. 3.

7. СП6Ф АРАН. Ф. 1017. Оп. 2. Д. 4.

8. СП6Ф АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 747.

9. Калоев Б.А. Осетины: Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1971. 357 с.

10. Баракова Е.Е. Этнографические записки // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 64.

11. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Наука, 1973. Т. 2. 448 с.

12. Cheung, J. Studies in the Historical Development of the Ossetic Vocalism. Wiesbaden: Ludwig Reichert, 2002. 331 p.

13. Цховребова З.Д., Дзиццойты Ю.А. Топонимия Южной Осетии. М.: Наука, 2013. Т. 1. 599 с.

14. НА СОИГСИ. Ф. Фольклор. Оп. 1. П. 15. Д. 23₁.

15. НА СОИГСИ. Ф. Фольклор. Оп. 1. П. 91. Д. 116.

16. НА СОИГСИ. Ф. 19 (Алб.). Оп. 1. Д. 204.

17. НА СОИГСИ. Ф. 19 (Алб.). Оп. 1. Д. 85.

18. Цагаева А.Д. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе: Ир, 1975. Ч. 2. 560 с.
19. Уарзиаты В.С. Праздничный мир осетин. Владикавказ, 1995. 235 с.
20. Хозиты Ф. Уæлладжыры комыл – Туалтæм. Дзæуджыхъæу: Ир, 1999. 293 ф. (на осет. яз.)
21. Ирон къæлиндар 2022 азæн // Рæстдзинад. 2021. 30 дек. (№ 241-242). Ф. 7. (на осет. яз.)
22. Тамати Т. Уæлладжыры æрдзы атлас. Дзæуджыхъæу: Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфион куыстыуат, 2021. 136 ф. (на осет. яз.)
23. Чибиров Л.А. Мигъдæу // Осетинская этнографическая энциклопедия. Владикавказ: Проект-Пресс, 2012. С. 359.
24. Цæрукъаты А. Зæрдæйы фæндæгтæ: Æмдзæвгæтæ. Орджоникидзе: Ир, 1984. 153 ф. (на осет. яз.)
25. Габуева А. Мигъдау дзуар. Телепроект «Мидис». 31.01.2018 // Осетия-Ирыстон: национальная телекомпания Республики Северная Осетия-Алания [сайт]. URL: https://iryston.tv/teleproject_release/migdau-dzuar-2/
26. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. М.: РОССПЭН, 2008. 711 с.
27. Дзуттаг Ошуахъ // Беджызаты Ч., Хъуылаты С. Уацмыстæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 1995. Ф. 364-395. (на осет. яз.)
28. Тменов В.Х. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ: РИПП им. В. А. Гассиева, 1995. 437 с.
29. Хъесаты В. Ирон цуанæтты æгъдæуттæ æмæ æвзаг: этнографион очерк. Дзæуджыхъæу: Ир, 2010. 175 ф. (на осет. яз.)
30. Пчелина Е.Г. Урсдонское ущелье в Северной Осетии. (По поводу находки Сасанидского кубка) // Пчелина Е.Г. Ossetica. Избранные труды по истории, этнографии и археологии осетинского народа. Владикавказ, 2013. С. 226-250.
31. Шанаев Дж. Присяга по обычному праву осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 1-20.
32. Белецкий Д.В. Материалы к изучению позднесредневекового зодчества Северного Кавказа // Историко-филологический архив. 2011. №7. С. 26-70.
33. Тайсаев К.У. Этнография традиционного спорта у народов Северного Кавказа. М., 2001. 206 с.
34. Гагиев С.Г. Осетинские национальные игры. Орджоникидзе: Ир, 1980. 129 с.
35. Джусойты В. Ирон адæмон хъæзтытæттæ. Цхинвал: Ирыстон, 1988. 96 ф. (на осет. яз.)
36. Скачков А.Е. Опыт статистического обследования горного уголка (экономический очерк). Владикавказ, 1905. 115 с.
37. Kotkin, S. Stalin: Paradoxes of Power, 1878-1928. New York: Penguin, 2014. Vol. I. 976 p.
38. СПбФ АРАН. Ф. 1017. Оп. 1. Д. 729.
39. Онощенко В.В. Фотографии святилища Реком как источник по изучению памятника // Археология, этнография и языки Кавказа. К 125-летию со дня рождения Е.Г. Пчелиной. СПб.: Реноме, 2020. Вып. 2. С. 90-97.
40. Краснов А.Н. Натуралист на Кавказе. Пятигорск: тип. К.К. Кибардина, 1911. Вып. 2. 43 с.
41. Нордберг Дж. Подпольные девочки Кабула. История афганок, которые живут в мужском облике. М.: Изд-во Э, 2017. 544 с.

Darchiey, Anzor V. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); dar-anzor@mail.ru

MATERIALS ABOUT THE CULT COMPLEX MIĞDÆW IN THE SCIENTIFIC HERITAGE OF E.G. PCHELINA.

Keywords: *Eugenia Pchelina, Urson gorge, Miğdæw, sanctuary, cult complex, Dzugaevs, Ambalovs.*

This publication contains the ethnographic and archaeological research by Evgenia Georgievna Pchelina (1895-1972) of the Miğdæw sanctuary complex, located in the Urson Gorge (a branch of the Alagir Gorge) in North Ossetia. Pchelina based her monographic research on the data collected over a long period of time, none of which has so far been published, which is why it is an urgent task to introduce at least a part of them into the scientific community. Pchelina was the first one to offer a scientific interpretation of the theonym Miğdæw, and all further etymological searches were based on it. She was also the first researcher to express the idea of this deity possessing certain agrarian functions. Pchelina describes the sacred objects in the sanctuary complex, focusing on its main part, Miğdæw Dzuar. She gives a lot of details on the festive rituals, religious, legal and military ceremonies that took place there. The folklore texts she recorded about that sanctuary are of particular value, because they shed light on certain little-known ethnographic details. Pchelina's pictorial materials related to the Miğdæw sanctuary complex were extracted from scientific archives in Vladikavkaz and St. Petersburg and have been published for the first time. They include photographs of the sacred juniper trees in Miğdæw Dzuar, views of its interior, the priests of the sanctuary etc. The topographic map of the Miğdæw sanctuary complex and plans of the sanctuaries of Miğdæw Dzuar and Miğdæw Dzuar deserve special attention. The map can be used to create a unified database of cultural and historical objects of North Ossetia with the necessary cartographic support, and professionally made plans of sanctuaries can help in the restoration of them. The information contained in the published materials should contribute to a deeper study of the traditional Ossetian society.

References

1. Pchelina, E.G. *Mestnost' Uallagir i shest' kolen roda Osibagatara* [The Wallagir area and the six branches of Osibagatar's tribe]. *Nauchnyi arkhiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniy* (NA SOIGSI) [Scientific Archive of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies (SA NOIHSS)]. Fund 6. Inventory 1. Case 21.
2. *Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva Rossiiskoi akademii nauk* (SPbF ARAN) [The Archives of the Russian Academy of Sciences St. Petersburg Branch (ARAS SPbB)]. Fund 1017. Inventory 1. Case 768.
3. SPbF ARAN [ARAS SPbB]. Fund 1017. Inventory 1. Case 769.
4. Gazdanova, A.V., Blazhko, A.V. *Plany doktorskoi dissertatsii E.G. Pchelinoi: evolyutsiya vzglyadov ili attestatsionnaya kon'yunktura?* [Plans for a Doctoral Dissertation by E.G. Pchelina: Evolution of Views or the Certification Environment?]. *Arkheologiya, etnografiya i yazyki Kavkaza. K 125-letiyu so dnya rozhdeniya E.G. Pchelinoi* [Archeology, ethnography and languages of the Caucasus. To the 125th anniversary of E.G. Pchelina]. St. Petersburg, Renome, 2020, iss. 2, pp. 47-78.
5. SPbF ARAN [ARAS SPbB]. Fund 1017. Inventory 1. Case 161.

6. SPbF ARAN [ARAS SPbB]. Fund 1017. Inventory 2. Case 3.
7. SPbF ARAN [ARAS SPbB]. Fund 1017. Inventory 2. Case 4.
8. SPbF ARAN [ARAS SPbB]. Fund 1017. Inventory 1. Case 747.
9. Kaloev, B.A. *Osetiny: Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Ossetians: Historical and ethnographic research]. Moscow, Nauka, 1971. 357 p.
10. Barakova, E.E. *Etnograficheskie zapiski* [Ethnographic notes]. NA SOIGSI [SA NOIHSS]. Fund 4. Inventory 1. Case 64.
11. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Leningrad, Nauka, 1973, vol. 2. 448 p.
12. Cheung, J. *Studies in the Historical Development of the Ossetic Vocalism*. Wiesbaden: Ludwig Reichert, 2002. 331 p.
13. Tskhovrebova, Z.D., Dzitstsoity, Yu.A. *Toponimiya Yuzhnoi Osetii* [Toponymy of South Ossetia]. Moscow, Nauka, 2013, vol. 1. 599 p.
14. NA SOIGSI [SA NOIHSS]. Fund Folklore. Inventory 1. Folder 15. Case 231.
15. NA SOIGSI [SA NOIHSS]. Fund Folklore. Inventory 1. Folder 91. Case 116.
16. NA SOIGSI [SA NOIHSS]. Fund 19 (Alb.). Inventory 1. Case 204.
17. NA SOIGSI [SA NOIHSS]. Fund 19 (Alb.). Inventory 1. Case 85.
18. Tsagaeva, A.D. *Toponimiya Severnoi Osetii* [Toponymy of North Ossetia]. Ordzhonikidze, Ir, 1975, vol. 2. 560 p.
19. Uarziaty, V.S. *Prazdnichnyi mir osetin* [The Festive world of the Ossetians]. Vladikavkaz, 1995. 235 p.
20. Khoziev, F.Kh. *Cherez Alagirskoe ushchel'e v Tualta* [Through the Alagir Gorge to Tualta]. Vladikavkaz, Ir, 1999. 293 p. (In Ossetian)
21. *Osetinskii kalendar' na 2022 god* [Ossetian calendar for 2022]. *Rastdzinad* [Truth]. 2021, 30 December, no. 241-242, p. 7. (In Ossetian)
22. Tamati, T. *Atlas prirody Alagirskogo ushchel'ya* [Atlas of Nature of Alagir Gorge]. Vladikavkaz, Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie im. V.A. Gassieva, 2021. 136 p. (In Ossetian)
23. Chibirov, L.A. *Mig'dæu* [Deity Miğdæw]. *Osetinskaya etnograficheskaya entsiklopediya* [Ethnographic Encyclopedia of Ossetia]. Vladikavkaz, Proekt-Press, 2012, p. 359.
24. Tsarukaev, A.I. *Tropinki serdtsa* [Paths of the heart]. Ordzhonikidze, Ir, 1984. 153 p. (In Ossetian)
25. Gabueva, A. *Mig'dau dzuar. Teleproekt "Midis". 31.01.2018* [Sanctuary Miğdæw. Television project "Midis", January 31, 2018]. *Osetiya-Iryston: natsional'naya telekompaniya Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya* [Ossetia-Iryston: national television company of the Republic of North Ossetia-Alania] [Web-site]. URL: https://iryston.tv/teleproject_release/migdau-dzuar-2/
26. Chibirov, L.A. *Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura osetin* [Traditional spiritual culture of the Ossetians]. Moscow, ROSSPEN, 2008. 711 p.
27. Kulaev, S.S. *Evrei Oshuak* [Jew Oshuak]. Begizov, Ch.D., Kulaev, S.S. *Proizvedeniya* [Works]. Vladikavkaz, Ir, 1995, pp. 364-395. (In Ossetian)
28. Tmenov, V.Kh. *Zodchestvo srednevekovoi Osetii* [The architecture of medieval Ossetia]. Vladikavkaz, RIPP im. V.A. Gassieva, 1995. 437 p.
29. Kesaev V.A. *Yazyk i obychai osetinskikh okhotnikov* [Language and customs of Ossetian hunters]. Vladikavkaz, Ir, 2010. 175 p. (In Ossetian)
30. Pchelina, E.G. *Urskonskoe ushchel'e v Severnoi Osetii. (Po povodu nakhodki Sasanidskogo kubka)* [Urskon gorge in North Ossetia. (About the discovery of the Sasanidan cup)]. Pchelina, E.G. *Ossetica. Izbrannye trudy po istorii, etnografii i arkheologii osetinskogo*

naroda [Ossetica. Selected works on the history, ethnography and archeology of the Ossetians]. Vladikavkaz, 2013, pp. 226-250.

31. Shanaev, Dzh. *Prisyaga po obychnomu pravu osetin* [The Oath in the Customary Law of the Ossetians]. *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collected information on the Caucasian mountaineers]. Tiflis, 1873, iss. 7, pp. 1-20.

32. Beletsky, D.V. *Materialy k izucheniyu pozdnesrednevekovogo zodchestva Severnogo Kavkaza* [Materials for the study of Late Medieval architecture of the North Caucasus]. *Istoriko-filologicheskii arkhiv* [Historical and Philological Archive]. 2011, no. 7, pp. 26-70.

33. Taisaev, K.U. *Etnografiya traditsionnogo sporta u narodov Severnogo Kavkaza* [Ethnography of traditional sports among the peoples of the North Caucasus]. Moscow, 2001. 206 p.

34. Gagiev, S.G. *Osetinskie natsional'nye igry* [Ossetian National Games]. Ordzhonikidze, Ir, 1980. 129 p. (In Ossetian)

35. Dzhusoev, V.D. *Osetinskie narodnye igry* [Ossetian Folk Games]. Tskhinval, Iryston, 1988. 96 p. (In Ossetian)

36. Skachkov, A.E. *Opyt statisticheskogo obsledovaniya gornogo ugolka (ekonomicheskii ocherk)* [Experience of statistical survey of a mountain corner (economic essay)]. Vladikavkaz, 1905. 115 p.

37. Kotkin, S. *Stalin: Paradoxes of Power, 1878-1928*. New York, Penguin, 2014, vol. 1. 976 p.

38. SPbF ARAN [ARAS SPbB]. Fund 1017. Inventory 1. Case 729.

39. Onoshchenko, V.V. *Fotografii svyatilishcha Rekom kak istochnik po izucheniyu pamyatnika* [Photos of the Recom Sanctuary as a Source for Studying the Monument]. *Arkheologiya, etnografiya i yazyki Kavkaza. K 125-letiyu so dnya rozhdeniya E.G. Pchelinoi* [Archeology, ethnography and languages of the Caucasus. To the 125th anniversary of E.G. Pchelina]. St. Petersburg, Renome, 2020, iss. 2, pp. 90-97.

40. Krasnov, A.N. *Naturalist na Kavkaze* [Naturalist in the Caucasus]. Pyatigorsk, tip. K.K. Kibardina, 1911, iss. 2. 43 p.

41. Nordberg, J. *Podpol'nye devochki Kabula. Istoriya afganok, kotorye zhivut v muzhskom obliche* [The Underground Girls Of Kabul: The Hidden Lives of Afghan Girls Disguised as Boys]. Moscow, E, 2017. 544 p.